

УДК 372.881.161.1

**РУССКИЕ ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
С НЕОПРЕДЕЛЁННЫМ СУБЪЕКТОМ В АСПЕКТЕ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Ян Лэсы

аспирант

Гуманитарный институт

Санкт-Петербургский политехнический университет

Петра Великого (СПбПУ)

Аннотация: В статье автор рассматривает обучение иностранных (китайских) студентов русскому синтаксису как методическую проблему межкультурного образования. В качестве иллюстративного материала теоретических положений автором использованы русские обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения, которые выступают в русском языке синтаксическими маркерами функционально-семантической категории определенности/неопределенности. Для сравнения привлекаются факты китайского языка.

Ключевые слова: Межкультурное образование, русский язык, китайский язык, синтаксис, категория определенности/неопределенности.

**RUSSIAN ONE-MEMBER SENTENCES WITH AN INDEFINITE SUBJECT
IN THE ASPECT OF INTERCULTURAL EDUCATION**

Yan Lesi

Abstract: In the article, the author considers teaching Russian syntax to foreign (Chinese) students as a methodological problem of intercultural education. As an illustrative material of theoretical positions, the author used Russian generalized personal and indefinite personal sentences, which act in the Russian language as syntactic markers of the functional and semantic category of certainty / uncertainty. For comparison, the facts of the Chinese language are used.

Key words: Intercultural education, Russian language, Chinese language, syntax, category of certainty / uncertainty.

Основная задача обучения русскому языку как иностранному заключается в практическом овладении русским языком как средством для коммуникации. Огромную роль в формировании коммуникативной иноязычной компетенции играет знание закономерностей конструирования различных типов синтаксических единиц на иностранном языке и умение их продуцировать в спонтанной разговорной речи. Однако при изучении русского синтаксиса, особенно на продвинутых этапах обучения русскому языку как иностранному, перед педагогом стоит задача не только формирования некоторого набора грамматических умений, но и задача совершенствования межкультурной компетентности иностранного студента. О.Д. Митрофанова по этому поводу пишет: «Существенную, принципиально важную часть современного языкового образования, становления и развития языковой личности за счёт изучения иностранных языков составляет ориентация в новой парадигме методики как науки на интерес не только к языку, сколько к стоящей за ним культуре, который в последние годы серьезно усилился» [1, с. 112]. Русский синтаксис более чем какая-либо другая языковая подсистема связан с межкультурным образованием, с умением сравнивать общее и различать специфическое в разных культурах. Данное умение, по мнению А.Л. Бердичевского, «предусматривает осознание значения тех или иных грамматических явлений, типичных для данной культуры и выражающих определённый культурологический, а не просто формально-коммуникативный смысл и их отличий от идентичных грамматических структур в родном языке» [2, с. 176].

Одним из ярких проявлений системы культурных ценностей в грамматике служат русские односоставные предложения с неопределённым субъектом – обобщенно-личные и неопределенно-личные. Частотность использования этих синтаксических конструкций в современном русском языке, в частности, в его разговорном варианте, довольно высока, что, в целом, подтверждает тенденцию русского языкового сознания к выбору более неопределенного референта высказывания, чем определенного.

Обобщенно- и неопределенно-личные предложения очень часто используются для выражения общих истин, философских рассуждений и т.п. Именно эти структурно-семантические типы предложений являются грамматическим «трафаретом» построения национального паремнологического фонда – русских пословиц и поговорок: *цыплят по осени считают*; *снявши голову по волосам не плачут* и под. Подобные синтаксические конструкции

специально предназначены для выражения неопределенной семантики и описывают не только поведение, но и самого субъекта поведения. Различные грамматики объясняют этот шаблон следующим образом: «говорящий не знает агента или не считает необходимым указывать агента». Строятся они по типичному шаблону, где главный член предложения выражен V_{3pl} , т.е. ‘финитный глагол в 3 л., мн. ч’.

Другой семантический нюанс передается в предложениях, где главный член – прилагательное и пассивное причастие: *В госпитале с ним подчеркнуто услужливы; В школе обеспокоены здоровьем ребёнка*. Они отличаются от предыдущего типа предложений тем, что здесь выражается неизвестность субъекта стороне, получающей информацию, т. е. адресату, но известность адресанту.

В неопределенно-личных предложениях с отрицанием типа *Там были не в силах ему помочь; Мы были не в состоянии ему помочь* выражается немного другая семантика: «субъект все еще неизвестен адресату, и мы не знаем, кого он имеет в виду».

Тип предложений *Есть куда пойти; Есть о чём подумать* отличается от предыдущих тем, что указывает на субъект, который неизвестен никому, он не определен максимально. Но при этом, есть некая иллюзия определенности места, куда можно пойти, или объекта ментальной деятельности. Таким образом, здесь выражается своеобразная переориентация точки зрения субъекта речи, говорящего, на точку зрения слушающего.

Очевидно, что многообразие структурно-семантических типов односоставных предложений с неопределённым субъектом в русском языке отражают специфику русского языкового сознания.

Многие ученые отмечали, что для русского национального сознания выражение неопределенности чрезвычайно характерно. По данным таких исследователей, как Т.М. Николаева, Ю.Л. Левин, Ю.Л. Сидорова, Н.В. Семенова, в русском языке языковые формы с показателями неопределенности встречаются гораздо чаще, чем те, в которых этот показатель отсутствует либо явно выражен показатель определенности [3], [4, с. 646, 652], [5], [6], [7, с. 18, 30]. Н.Д. Арутюнова полагает, что через значительное преобладание языковой неопределенности «проявляется концептуальная (когнитивная), а не чисто формальная специфика русского языка» [8, с. 894]. И это подтверждается, как отмечает Н.Д. Арутюнова, историческим развитием русского языка, демонстрирующим, что выражение неопределенности

приобретало «все большую дифференцированность и широту диапазона... между тем показатели определенности постепенно сокращались как в числе, так и в употребительности» [Там же].

Актуальность углубленного изучения русских односоставных предложений с неопределённым субъектом иностранными, в частности китайскими, студентами объясняется и сугубо лингвистическими причинами. Данные предложения являются синтаксическими средствами выражения в русском языке функционально-семантической категории определенности/неопределенности (далее – О/НО), которая, относясь к категориям философским, онтологическим, позволяет раскрыть особые механизмы когнитивной деятельности человека по восприятию объективной действительности и определению своего места в этой действительности. Являясь понятийной универсалией, категория О/НО актуализируется во всех языках, но при этом значительно различается по способам и средствам своего выражения. Различие это иногда оказывается довольно существенным и влияет на содержательную сторону высказывания. Иначе говоря, имея специфическую содержательную структуру, категория О/НО воплощается в разноструктурных языках не менее специфичными языковыми средствами, которые так или иначе отражают национальную языковую картину мира. Русский и китайский языки, безусловно, в этом отношении различаются, поскольку имеют различную типологическую характеристику.

Так, в русском языке, который обладает богатым набором средств выражения неопределенности, используется множество лексических, морфологических и синтаксических средств, специфика которых обусловлена системными свойствами языка, но в то же время и линейно-интонационных, просодических, а также текстовых (контекст и нарративность), отражающих особенности русской языковой картины мира. Такие средства, как порядок слов, фразовое ударение и актуальное членение, редуцированные морфологические формы, неопределенные местоимения без маркера неопределенности, транспозиция лексем в другие части речи – исключительно русские.

Выражение же неопределенности в китайском языке демонстрирует тесное взаимодействие семантических категорий О/НО, количественности и качественности (качественности). Это взаимодействие в китайском языке, в отличие от русского языка, эксплицитно: китайский язык имеет специальные

формальные и лексические показатели для его обозначения. В русском языке такое взаимодействие имплицитно, скрыто.

Особенностью китайской языковой картины мира является четкое представление предметной области с недифференцированным означиванием неопределенных единичных предметов и неопределенной множественности предметов. При этом очень важной оказывается и характеристика самого предмета: является ли он исчисляемым или нет. Статус имени предмета – референтный или нереферентный – также важен.

Для обозначения неопределенных предметов или одушевленных субъектов часто используются одни и те же языковые средства (классификаторы, счетные слова), а понимание конкретного выражения зависит от понятийной отнесенности имени предмета или субъекта. Тань Аошуан по этому поводу пишет, что в китайском языке «значение неопределенности может передаваться детерминативами, в число которых входит сочетание числительного «один» (оно часто опускается) со счетным словом (такое сочетание названо показателем *yí ge*, где *ge* соответствует любому классификатору), а также с морфемой *xié*, обозначающей множественное число» [9, с. 686]. Данный факт, с одной стороны, указывает на более тонкую границу между поверхностными (языковыми) структурами и глубинными (семантическими), с другой стороны, демонстрирует более рациональный подход в восприятии объективной действительности.

Специфика языковых систем, безусловно, накладывает свои особенности на процесс обучения русскому языку в качестве иностранного. Однако на любом этапе его освоения инофоны должны не только понимать, что родной и иностранный (в данном случае – русский язык) могут выражать одинаковые смысловые отношения различными грамматическими средствами, но и осознавать, что эти отношения часто определяются культурой носителя конкретного языка. Следовательно, речь при освоении иностранными студентами сложных синтаксических конструкций русского языка может идти идёт не только и не столько о том, какова их классификация, грамматическая характеристика, как его употреблять, а о том, *что* выражается этими конструкциями в данной культуре.

Список литературы

1. Митрофанова О. Д. Лингводидактические постулаты и методическая реальность // Традиция и новации: Сб. науч. тр.; сост. Н. А. Метс, В. И. Шляхов. – М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2010. – С. 103-112.
2. Бердичевский А.Л., Гиниатуллин И.А., Тарева Е.Г. Методика межкультурного иноязычного образования в вузе: учебное пособие / А. Л. Бердичевский, И. А. Гиниатуллин, Е. Г. Тарева ; под общей редакцией доктора педагогических наук, профессора А. Л. Бердичевского. М.: Флинта, 2019. 365 с.
3. Николаева Т.М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: Социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. –С. 112-131.
4. Левин Ю.И. Истина в дискурсе // Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика и семиотика. – М.: Яз. рус. культуры, 1998. – С. 645-675.
5. Семенова Н.В. Недифференцированный таксис в нелокализованных во времени ситуациях // актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 120-126.
6. Семенова Н.В. Недифференцированные таксисные отношения в современном русском языке: особенности интерпретации // Русский язык в едином европейском образовательном пространстве (проблемы межкультурного взаимодействия). Сборник статей I Международной научной заочной конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»; Ответственный редактор А. Н. Сицына-Кудрявцева, 2014. – С. 119-128.
7. Сидорова Ю. Л. Лексические средства воплощения категории определенности/неопределенности в русском языке (на фоне итальянских средств): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. – 31 с.
8. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – I–XI. – 896 с.
9. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 232 с.